О. Н. Кушнир

ЛИНГВОКОНЦЕПТОГРАФИЯ В СТРУКТУРЕ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ

Работа представлена кафедрой документационного обеспечения управления и прикладной лингвистики Коми республиканской академии государственной службы и управления.

В статье рассмотрена лингвоконцептография как раздел лингвоконцептологии, решающий двуединую задачу: систематизированное описание концептосферы русского языка как совокупности концептов различной степени обобщенности и разработка процедур лексикографического отображения концептосферы языка.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, лингвоконцептология, лингвоконцептография, концепт, этнокультурная компетенция.*

O. Kushnir

LINGUOCONCEPTOGRAPHY IN THE STRUCTURE OF LINGUOCONCEPTOLOGY

The article is devoted to linguoconceptography as a branch of linguoconceptology, which solves the dual purpose: gives a classified description of the concept sphere of the Russian language as a totality of concepts of different generalising extent and develops procedures of lexicographical reflection of the language concept sphere.

Key words: concept, sphere of concepts, ethnocultural competence.

Концепт – явление холистическое, в концептах фиксируются образно-понятийно-эмоциональные структуры сознания, составляющие основу картины мира, выступающие в роли мировоззренческого фундамента и регуляторов человеческого поведения. В этом качестве *концепт* органично входит в понятийно-терминологический ряд *архетип – концепт – миф – образ – символ*, который тесно связан с понятием «языковые значения»: общекатегориальные и частнокатегориальные, лексические, словообразовательные и др. Концепт – сгусток самых разных значений и смыслов – вроде макромолекулы белка, включающей самые различные элементы. И не только смыслов, но и опирающихся на эти смыслы социальных и индивидуальных стереотипов поведения, одежды, питания – в конечном счете всего, что составляет образ жизни, стиль мышления, своеобразие эмоциональных реакций и состояний. Слова – лишь средство вербализации, языкового оп-

редмечивания концептов, наряду с одеждой и макияжем, интерьером и музыкой, архитектурой и танцем. Любая семиотическая система – это система средств опредмечивания концептов как «черных ящиков» сознания, о содержании которых мы можем судить лишь по косвенным данным, по результатам культурно-семиотического опредмечивания, поскольку напрямую в содержание сознания не заглянешь.

Таким образом, по онтологическому статусу концепты – феномены не столько языкового сознания, сколько «сознания в целом», их природа холистична – в соответствии с греческой этимологией этого термина (*holos* ‘весь, целый’), их развитие определяется «фактором целостности». Основная тенденция эволюции лингвокультурных концептов на протяжении всего XX столетия – их «расщепление». Многие понятия, используемые в гуманитарном знании и практике, утратили определенность, используются в статусе лингвокультурных концептов – феноменов, семантика которых по самой своей сути многопланова, индивидуальна, ситуативно зависима и, как следствие, диффузна, обременена субъективно-произвольными смыслами.

Например, многие политологи считают, что наша страна находится в состоянии информационно-психологической войны, важнейшее оружие которой – «система символов», утверждаемых в сознании людей с целью их дезориентации, психологического подчинения, ср.: «Под символом “рынок” СМИ подразумевают: заполненные прилавки, изобилие самых разнообразных товаров, регулирование цен и услуг конкуренцией, где выживают лучшие предприятия, возникает стимул к труду – получение прибыли, каждый может найти свою нишу и продать свой труд подороже. Реальное значение символа “рынок” – хаос, нищета, полурабское существование большинства населения. <…> Под символом “демократия” подразумевают: права и свободы личности, плюрализм мнений, свободу критиковать Президента. Реальное значение символа “демократия” – власть денег, нищета населения, рабский труд, авторитарный режим…» [12, с. 304].

С аналогичным «расщеплением» мы сталкиваемся в ситуации «двойных стандартов» в политических отношениях, в последовательном расслоении понятия «культура»: *народная, элитарная, массовая, поп…, арт…, рок…*, в феномене «клипового сознания» в СМИ и т. д., что приводит исследователей к необходимости использовать понятия и термины типа *макроконцепт* [5], *метаконцепт* [1], *суперконцепт* [6, с. 486, 487], *лингвокультурная доминанта* как «система особых концептов, которые раскрывают ценностные приоритеты соответствующей культуры» [17, с. 4], – понятия, акцентирующие иерархическую, полевую природу концептосферы как системы лингвоконцептуальных полей (а не просто «набора концептов»), наличие различных «прочтений» таких масштабных лингвокультурных феноменов, как «чужой» [22], менеджмент [10], труд [23] и др.

Лингвоконцептология, в соответствии с внутренней формой этого термина, понимается как учение об опредмечивании концептов средствами естественного языка. Лингвоконцептология, будучи одним из разделов лингвокультурологии (а эта последняя, в свою очередь, частью гигантской пограничной зоны между, с одной стороны, языкознанием, с другой – культурологией, философией и другими гуманитарными дисциплинами), рассматривает только один способ опредмечивания концептов, имеет дело лишь с одним типом «входов» и «выходов» того «черного ящика», который вслед за Ю. С. Степановым принято характеризовать как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [21, с. 43]. С этой точки зрения содержание понятия «концепт» хорошо соотносится с этимологической внутренней формой, с семантическим этимоном термина *концепт* – из лат. сущ. *conceptus,* образованного от глагола с «накопительной», аккумулятивной семантикой *concipere* ‘собирать, принимать, вбирать в себя, впитывать, поглощать > представлять себе, воображать > соображать, прикидывать > задумывать, замышлять, затевать’ [4, с. 222].

Однако, поскольку естественный язык – это универсальная семиотическая система, средствами которой могут быть переданы значения, выражающиеся любыми другими семиотическими средствами (с очевидными ограничениями, связанными с принципиальной «непереводимостью» некоторых классов смыслов, например музыкальных), лингвоконцептологии принадлежит решающая роль как в исследовании концептов, так и в формировании теоретических основ этнокультурных компетенций различных категорий носителей языка [20].

Концептография (лингвоконцептография) понимается в данной работе как раздел лингвоконцептологии, решающий задачи двоякого рода: во-первых, систематизированное описание концептосферы русского языка как совокупности концептов различной степени обобщенности; во-вторых, разработка процедур использования лексикографических данных в лингвоконцептологических исследованиях и конструирование лингвокультурологических словарей с целью лексикографического отображения концептосферы языка.

Возможность и необходимость создания словарей лингвокультурных концептов стала очевидной с появлением Словаря Ю. С. Степанова, первое издание которого вышло в 1997 г. При всех многочисленных достоинствах этот словарь строится по преимуществу на этимологической и исторической основе, а совокупность заголовочных единиц (концептов, констант) трудно считать системно упорядоченной. К примеру, представлена *вера* – но нет *атеизма*, есть *любовь* – нет *ненависти*, есть *правда* – нет *лжи*. Это замечание – ни в коем случае не упрек автору выдающегося научного труда, который практически сразу оказался в числе «классики лингвистической мысли». Нельзя не согласиться с Ю. С. Степановым, что количество базовых концептов культуры невелико, «…четыре – пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами» [21, с. 5]. Но это количество именно базовых концептов; исходная же задача лингвоконцептологии – получить их относительно полный перечень – по возможности систематизированный.

Отчетливо понимая эту проблему, Г. Г. Слышкин называет в качестве основных следующие лакуны в концептографии русской культуры: «1) отсутствие концептуария, направленного на моделирование современной национальной концептосферы, т. е. ориентированного на представление концептов в синхронии, а не в диахронии; 2) неразработанность системной фиксации концептов, функционирующих в повседневной коммуникации (как институциональной, так и персональной), а не только в литературно-публицистическом общении; 3) неопределенность оснований и неразработанность методик для выделения наиболее актуальных для данной культуры концептов, а также для определения иерархических и прочих связей внутри национальной концептосферы; 4) отсутствие концептуария, составленного на основе всего многообразия речеязыковых апелляций к концептам, а не только при помощи номинантов-существительных» [18, с. 27].

Концептосфера живого языка постоянно эволюционирует: неизменны только мертвые языки. Из этого следует, что синхроническая концептография неизбежно оказывается динамической – не «срезом», а «вырезом» актуального состояния.

Понятие «концептография» отражает очевидную реальность взаимосвязи лингвистики и лексикографии: с одной стороны, никакое лингвистическое исследование не обходится без обращения к словарям, с другой – результаты практически любого исследования могут быть представлены в словарной форме.

Поскольку любой словарь современного языка представляет собой именно синхронный «вырез», он оказывается потенциальным источником лингвоконцептологии. Однако на разных этапах лингвоконцептологического исследования необходимы словари различных типов.

Лингвоконцептология, как никакая другая лингвистическая дисциплина, отчетливо отражает основное назначение языка – семантическое. Язык строится на фундаменте

значений и существует не «ради форм» – «ради смыслов». Концепты и являются теми наиболее значимыми для культуры смыслами, ради вербализации которых существует язык. Из этой очевидности следует два противонаправленных подхода – семасиологический («от формы») и ономасиологический («от значения»), отчетливо противопоставленные еще О. Есперсеном в книге «Философия грамматики» (1924): «Любое языковое явление можно рассматривать либо извне, либо изнутри, исходя из его внешней формы или из его внутреннего значения. В первом случае мы начинаем со звучания (слова или какой-либо иной части языкового выражения), а затем переходим к значению, связанному с ним. Во втором случае мы отправляемся от значения и задаем себе вопрос, какое формальное выражение это значение находит в данном конкретном языке. Если обозначить внешнюю форму буквой Ф, а значение буквой З, эти два подхода к языковому явлению можно изобразить соответственно формулами Ф → З и З → Ф» [7, с. 32, 33]. Однако, «устанавливая категории…, необходимо помнить, что они должны иметь лингвистическое значение. Мы хотим понять языковые (грамматические) явления, а поэтому было бы неправильно приступать к делу, не принимая во внимание существование языка вообще, классифицируя предметы и понятия безотносительно к их языковому выражению» [7, с. 32, 33].

Именно эту задачу имел в виду Л. В. Щерба, говоря в статье 1945 г. «Очередные проблемы языковедения», что необходимо «…различать активную и пассивную грамматику, в связи с чем стоит вопрос о возможности или невозможности построения “идеологической грамматики”, т. е. исходящей из семантической стороны…» [26, с. 48].

Лингвокультурологический концептуарий, понимаемый как перечень основных концептов, вербализуемых средствами естественного языка, неизбежно соотносится с «ядром», глубинным уровнем лексикона – с тем, что В. В. Виноградов называл «основным словарным фондом», который «дает языку базу для образования новых слов, то есть является главной устойчивой материальной и структурной основой обогащения и развития словарного состава языка» [3, с. 47, 48].

Конкретные исследовательские процедуры, ведущие к определению состава «основного словарного фонда», а следовательно, к набору языковых единиц, связанных с основными лингвокультурными концептами, могут строиться на основе материалов ономасиологических словарей – прежде всего словарей антонимов и синонимов.

Хорошо известно, что в основе архетипической модели мира лежит система бинарных оппозиций. По мнению Т. В. Цивьян, «их набор обычно включает в себя 10–20 пар противопоставленных друг другу признаков, имеющих соответственно положительное и отрицательное значения» [25, с. 5]. В частности, это базовые пространственные оппозиции *верх – низ, правый – левый, близкий – далекий*, развивающиеся в *небо – земля, консервативный – прогрессивный, свой – чужой*; временные оппозиции, также связанные с различными вариантами дальнейшей метафорической развертки (*день – ночь, зима – лето*); цветовые (*белый – черный*), социальные (*старший – младший*) и др.

Архетипические структуры относятся к более глубоким слоям сознания, чем концептуальные, – скорее к бессознательному, чем к осознаваемому (по К. Г. Юнгу, архетип отражает содержание именно коллективного бессознательного, ср.: «“Архетип” – это пояснительное описание платоновского *eidos*. Это наименование … значит, что, говоря о содержании коллективного бессознательного, мы имеем дело с древнейшими, лучше сказать, изначальными типами, т. е. испокон веку наличными всеобщими образами» [28, с. 98]). Концепты, в отличие от архетипов, вполне осознаются и могут быть по-своему вербализованы любым носителем языка. На этом основываются и это подтверждают, в частности, многочисленные психодиагностические исследования и тесты. К примеру, факторный анализ личностных качеств в психодиагностике выявляет 12–15 основных поддающих измерению оппозитивных лич-

ностных качеств, каждое из которых, помимо именования на естественном языке, получает и специально-психологическое терминологическое именование, ср.: *сердечность (аффектотимия) – отчужденность (сизотимия), беспечность (сургенсия) – озабоченность (десургенсия), смелость (пармия) – робость (тректия)* и т. д. [2, с. 158]. В личностных опросниках используется еще бóльшее число значимых оппозиций – обычно до пятидесяти (ср.: *искренний, честный, понимающий, умный, непредубежденный, тактичный, ответственный, честолюбивый* и т. д.) [19, с. 104, 105].

Словари антонимов включают несколько тысяч антонимических пар [13], которые сводятся лишь к десяткам синонимико-антонимических парадигм и словообразовательно-антонимических гнезд. Каждая из таких лексических группировок может рассматриваться как репрезентант лингвокультурного концепта. Словари синонимов менее показательны, хотя доминанты синонимического ряда как семантически элементарные заголовочные единицы группы однородных по значению слов также могут рассматриваться как вербализации лингвокультурных концептов.

Еще один важный лексикографический источник лингвоконцептографии – тезаурусы как словари семантических полей. В свое время Ю. Н. Караулов выполнил огромную работу по определению списка дескрипторов («основных понятий с относящимися к ним словами» [8, с. 150]), составляющих «потенциальное ядро» русской языковой картины мира, которое, по его данным тех лет, включает 464 единицы: *болезнь, время, война, возраст, ходить, звать, расти, неделя, спорт, главный* и т. д. [9, с. 324–326] (в Русском семантическом словаре, созданном под руководством Ю. Н. Караулова несколько позже, – 1564 дескрипторные статьи [16]).

Сходные функции презентации русской языковой картины мира выполняет и Русский ассоциативный словарь, который, по характеристике авторов, «есть не что иное, как модель знаковой языковой системы, указывающей на образы сознания коммуникантов – образы, достаточные для взаимопонимания» [15, с. 7], и разнообразные энциклопедические издания, аккумулирующие коллективный опыт как лексикографов, так и специалистов, работающих в других областях, связанный с выявлением наиболее существенных феноменов культуры – как, например, в томе «Духовный мир человека» серии энциклопедических изданий для детей, основное содержание которого на первых страницах анонсируется следующим образом: *человек познающий, человек свободный, человек созидающий, человек в измерениях культуры, человек в поисках смысла, человек будущего* [27, с. 8, 9], а размещенный в разделе «Приложение» предметный указатель включает всего 66 ключевых понятий (*агностицизм, аномалии, бессмертие, благо, вера, восприятие, гедонизм, гений* и др.) [27, с. 598, 599], практически каждое из которых вполне заслуживает специального лингвоконцептологического исследования.

Будучи ценными источниками для определения состава русского концептуария, эти словари едва ли могут напрямую использоваться в целях выявления закономерностей эволюции русской концептосферы. Это задача неографических словарей и «словаря языковых изменений» [24].

Весь лексикографический материал авторы Толкового словаря русского языка конца XX в. делят на пять групп, каждой из которых соответствует специфический аспект сихронной динамики, а именно: 1) новое слово (значение); 2) относительно новое слово (значение); 3) актуализация слова (значения); 4) возвращение слова в актив из пассивного запаса; 5) уход слова в пассивный запас [24, с. 32].

Лингвоконцептологическое осмысление этой лексикографической систематизации связано с представлением о том, что в России «на исторических гранях… действуют хаотические процессы, объединяемые общим для них релятивным механизмом культуры – “смутой”» [11, с. 585]. Языковые приметы «смуты» бросаются в глаза с первых страниц Словаря: уходят в пассив ставшие одиозными на исходе 1980-х гг. слова *администра-*

тивно-директивный и *административно-командный*, а вместе с ними и соответствующие явления – тут же возвращаются в актив *банкрот* и *банкротство, бастовать* и *бастующие, безработица* и *безработный*, актуализируется целое словообразовательное гнездо *блатной, блатарь, блатарка, блатняга, блатняк, блатяга*, что оказывается очевидным лексическим свидетельством явной криминализации не только общества, но и менталитета – хотя и не в ядерной его основе. Возвращается в актив гнездо *анархизм, анархист, анархистский, анархический* – явно в связи с уходом в пассив гнезда *коллективизм, коллективист, коллективистский* и т. д.

Однако есть, по крайней мере, одна очевидная особенность динамической синхронии в лексике, которая явно отражает силу, активно противостоящую «смуте» и распаду. Случаи десакрализации единичны (например, гнездо *апокалипсис, апокалипсический, апокалиптический*), тогда как возвращение в актив церковно-религиозной лексики и ее ресакрализация носит массовый характер, ср.: *алтарь, аналой, антихрист, апокриф, архиерей, архимандрит, аскеза, блаженный, ближний* и т. д.

Лингвоконцептологическое явление, стоящее за этим лексикографически удостоверенным фактом, очевидно: возвращение сакральных концептов как вершинных, структурообразующих начал культуры. *Святость, Небо, Душа, Грех, Молитва* возвращаются, но едва ли суждена долгая жизнь концептам типа *Крутой*. Религиозная составляющая русской концептосферы возрождается, а с ней исконные идеалы, которые «неизбежно коренятся в религиозной сфере человеческого сознания, ибо именно религия претендует на то, что хранит в себе абсолютную Истину, именно религия отвечает на вопросы о добре и зле, о добродетелях и пороках, о смысле жизни человека» [14, с. 446].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозерова Е. В.* Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
2. *Бурлачук Л. Ф.*, *Морозов С. М.* Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев: Наукова думка, 1989.
3. *Виноградов В. В.* Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука.
4. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
5. *Димитренко Л. Ю.* Макроконцепт «Mouvement» во французской языковой картине мира: Структура и лексическая объективация: дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
6. *Евтушенко О. В.* К вопросу о структуре концепта (на основании сопоставления суперконцептов «Россия» и «Любовь») // Русский язык: Исторические судьбы и современность: материалы III Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2007.
7. *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
8. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.
9. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.
10. *Клименко Е. О.* Концепт «менеджмент» в американской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
11. *Кондаков И. В.* Культурология: История культуры России. Курс лекций. М.: ИКФ Омега-Л.– Высш. шк., 2003.
12. *Лисичкин В. А.*, *Шелепин Л. А.* Война после войны: Информационная оккупация продолжается. М.: Алгоритм–Эксмо, 2005.
13. *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антонимических пар. М.: Рус. яз., 1984.
14. *Митрополит Иоанн (Сычев).* Русская симфония: Очерки русской историософии. СПб.: Царское Дело, 2009.

15. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель; АСТ, 2002.

16. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / Ю. Н. Караулов, В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, Н. В. Михалев. М.: Наука, 1982.

17. *Свицова А. А.* Лингвокультурная доминанта «Дом – Родина – Чужбина» в русских и английских пословицах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2005.

18. *Слышкин Г. Г.* К проблеме составления лингвокультурологического концептуария // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2001. С. 27.

19. *Смит Г. К.* Тренинг прогнозирования поведения: Тренинг сенситивности. СПб.: Речь, 2001.

20. *Спичак О. Н.* Языковая и этнокультурная компетенция как критерий профессионализма государственных и муниципальных служащих // Реальность этноса. Этнонациональные аспекты модернизации образования: материалы V Международной научно-практической конференции. СПб.: Астерион, 2003.

21. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2001.

22. *Судакова В. В.* Концептуализация «чужого» в языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

23. Ср.: *Токарев Г. В.* Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2003.

24. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

25. *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.

26. *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 48.

27. Энциклопедия для детей. Т. 18: Человек. Ч. 3: Духовный мир человека / гл. ред. Е. Ананьева; вед. ред. Т. Каширина. М.: Аванта+, 2004.

28. *Юнг К. Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991.

REFERENCES

1. *Belozerova E. V.* Reklama kak zhanrovy metakontsept (na materiale sovremennoy russkoy lingvokul'tury): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2007.

2. *Burlachuk L. F., Morozov S. M.* Slovar'-spravochnik po psikhologicheskoy diagnostike. Kiyev: Naukova dumka, 1989.

3. *Vinogradov V. V.* Ob osnovnom slovarnom fonde i yego slovoobrazuyushchey roli v istorii yazyka // Vinogradov V. V. Izbrannye trudy: Leksikologiya i leksikografiya. M.: Nauka.

4. *Dvoretsky I. Kh.* Latinsko-russkiy slovar'. M.: Russkiy yazyk, 1976.

5. *Dimitrenko L. Yu.* Makrokontsept «Mouvement» vo frantsuzskoy yazykovoy kartine mira: Struktura i leksicheskaya ob'yektivatsiya: dis. … kand. filol. nauk. Voronezh, 2005.

6. *Evtushenko O. V.* K voprosu o strukture kontsepta (na osnovanii sopostavleniya superkontseptov «Rossiya» i «Lyubov'») // Russkiy yazyk: Istoricheskiye sud'by i sovremennost': materialy III Mezhdunarodnogo kongressa issledovateley russkogo yazyka. M., 2007.

7. *Espersen O.* Filosofiya grammatiki. M.: Izd-vo inostr. lit., 1958.

8. *Karaulov Yu. N.* Lingvisticheskoye konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka. M.: Nauka, 1981.

9. *Karaulov Yu. N.* Obshchaya i russkaya ideografiya. M.: Nauka, 1976.

10. *Klimenko E. O.* Kontsept «menedzhment» v amerikanskoy i russkoy lingvokul'turakh: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2004.

11. *Kondakov I. V.* Kul'turologiya: Istoriya kul'tury Rossii. Kurs lektsiy. M.: IKF Omega-L.– Vyssh. shk., 2003.

12. *Lisichkin V. A., Shelepin L. A.* Voyna posle voyny: Informatsionnaya okkupatsiya prodolzhayetsya. M.: Algoritm–Eksmo, 2005.

13. *L'vov M. R.* Slovar' antonimov russkogo yazyka: Boleye 2000 antonimicheskikh par. M.: Rus. yaz., 1984.

14. Mitropolit Ioann (Sychev). Russkaya simfoniya: Ocherki russkoy istoriosofii. SPb.: Tsarskoye Delo, 2009.

15. Russkiy assotsiativny slovar': v 2 t. T. 1: Ot stimula k reaktsii: Ok. 7000 stimulov / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. M.: Astrel'; AST, 2002.

16. Russkiy semanticheskiy slovar'. Opyt avtomaticheskogo postroyeniya tezaurusa: ot ponyatiya k slovu / Yu. N. Karaulov, V. I. Molchanov, V. A. Afanas'yev, N. V. Mikhalev. M.: Nauka, 1982.

17. *Svitsova A. A.* Lingvokul'turnaya dominanta «Dom – Rodina – Chuzhbina» v russkikh i angliyskikh poslovitsakh: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Izhevsk, 2005.

18. *Slyshkin G. G.* K probleme sostavleniya lingvokul'turologicheskogo kontseptuariya // Yazykovaya lichnost': problemy kognitsii i kommunikatsii: sb. nauch. tr. Volgograd: Kolledzh, 2001. S. 27.

19. *Smit G. K.* Trening prognozirovaniya povedeniya: Trening sensitivnosti. SPb.: Rech', 2001.

20. *Spichak O. N.* Yazykovaya i etnokul'turnaya kompetentsiya kak kriteriy professionalizma gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh // Real'nost' etnosa. Etnonatsional'nye aspekty modernizatsii obrazovaniya: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb.: Asterion, 2003.

21. *Stepanov Yu. S.* Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. 2-e izd. M.: Akademicheskiy Proekt, 2001.

22. *Sudakova V. V.* Kontseptualizatsiya «chuzhogo» v yazykovoy kartine mira: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2005.

23. Sr.: Tokarev G. V. Teoreticheskiye problemy verbalizatsii kontsepta «trud» v russkom yazyke. dis. ... dokt. filol. nauk. Volgograd, 2003.

24. Tolkovy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka: Yazykovye izmeneniya / pod red. G. N. Sklyarevskoy. SPb.: Folio-Press, 1998.

25. *Tsiv'yan T. V.* Lingvisticheskiye osnovy balkanskoy modeli mira. M.: Nauka, 1990.

26. *Shcherba L. V.* Ocherednye problemy yazykovedeniya // Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. L.: Nauka, 1974. S. 48.

27. Entsiklopediya dlya detey. T. 18: Chelovek. Ch. 3: Dukhovny mir cheloveka / gl. red. E. Anan'yeva; ved. red. T. Kashirina. M.: Avanta+, 2004.

28. *Yung K. G.* Ob arkhetipakh kollektivnogo bessoznatel'nogo // Arkhetip i simvol. M.: Renaissance, 1991.